

ИНТЕРВЬЮ О В.Ф. ЧЕРНОВОЛЕНКО

Ниже представлена тематическая выборка текстов из серии биографических интервью, которые были взяты мной у В.Паниотто и В.Хмелько в рамках проекта КМИС “Лица социологии Украины” в 2006–2008 годах. Лейтмотивы наших бесед — индивидуальный профессиональный путь и возрождение (становление) социологии в Украине, идеалы, ценности, нормы профессиональной деятельности, противоречивый процесс взаимодействия индивидуальных и коллективных стратегий выживания и служения “музе” познания. Сначала в “застойных” (квазиблагодарушных и латентно-кризисных), а потом и явных кризисных социокультурных и политико-гражданских контекстах конца 60-х — начала 90-х годов минувшего века.

Малая часть из этой серии опубликована (в соответствующей жанровой обработке) в: *Интерв’ю Володимира Паніотто Роману Ленчовському // Володимир Ілліч Паніотто : Біобібліографічний покажчик. — К.: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2007. — С. 5–23.*

Роман Ленчовский

В.Паниотто: Если задаться журналистским вопросом об “отцах-основателях”, то основателем украинской академической социологии стал Вилен Филиппович

Насколько мне известно, в твоём профессиональном самоопределении роль Вилена Филипповича была весьма большой. В школе, как ты рассказывал, тебя интересовала психология, затем ты закончил мех-мат Киевского госуниверситета им. Шевченко. А когда появилась социология? Как ты впервые встретился с Черноволенко?

Социология появилась, кажется, на 3-м курсе. Наш преподаватель философии А.Яценко, желая разнообразить читаемый им курс, собрал группу энтузиастов и предложил изучить недавно вышедшую книгу “Математические методы в современной буржуазной социологии”. В эту группу входило несколько человек. Юра Белов со старшего курса был руководителем этой группы (насколько я знаю, он сейчас профессор факультета кибернетики университета Шевченко, зав. кафедрой теоретической кибернетики). Через несколько месяцев группа распалась, а меня это продолжало интересовать. Я стал искать социологов. В университете была лаборатория социологических исследований. Я туда пришел с предложением своих услуг, но мне сказали, что это никому не интересно. Завлабораторией, которого сейчас уже нет, стал потом читать лекции в университете и прививал, как мне сказал один из слушателей, “трехлетний иммунитет к социологии”, после его лекций уже никому не хотелось заниматься этой наукой. В том же 1968-м — или несколько раньше — был создан отдел социологии в Институте философии АН УССР.

Отдел Черноволенко?

Вообще говоря, да, но сначала его возглавлял Мирослав Попович, а уже, если не ошибаюсь, в 1969-м его возглавил Вилен Филиппович Черноволен-

ко. Но я какое-то время думал, что возглавляет отдел Михаил Лойберг, который вместе с Юрием Сикорским руководил деятельностью так называемой хоздоговорной группы. Это прообраз нынешних социологических центров. Группа искала заказы и проводила коммерческие исследования на предприятиях (Юго-Западная железная дорога, Львовский телевизорный завод и т.п.). Лойберг очень энергично приветствовал мое появление и сказал, что они мало что понимают в применении математики к социологии, но это нужно для расчета выборок и анализа данных проводимых группой исследований. Но потом я, в основном, работал с В.Ф.Черноволенко, которому фактически обязан своим выбором профессии. И я ему очень благодарен, так как социология — это чрезвычайно увлекательное занятие.

Получается, что ты появился в Институте философии вскоре после возникновения первой в Украине академической структуры по социологии? Можно сказать, был свидетелем и участником возрождения социологии?

Я бы даже сказал, что зарождения, а не возрождения, так как никакой преемственности с социологическими исследованиями, которые проводились до 1920-х годов, не было. Все, что было известно к тому времени, пришло с Запада. По одному из науковедческих критериев начало науки датируется первым научно-исследовательским подразделением. Если с этим согласиться, то, пожалуй, я могу считать себя участником создания социологии в этой стране, почти “патриархом”. Конечно, поколение “отцов-основателей” в советской социологии — это поколение как раз Вилена Филипповича. Но как-то даже странно подумать, что когда я пришел в отдел, то Вилен Филиппович был на 20 с лишком лет моложе, чем я сейчас!

(Такие хронологические сальто вызывают в моей памяти рассказ моего тестя, когда ему было далеко за 70. Однажды он ехал в троллейбусе и помог какой-то дряхлой старушке подняться, она застряла на входе. Она его поблагодарила, потом внимательно посмотрела и говорит: “Вы меня не помните? Я была Вашей пионеркой”. Он, оказывается, был в ее школе пионервожатым. Когда мне сейчас очень солидные люди говорят, что были моими студентами, я себя чувствую точно так же, как он.)

Чем ты стал заниматься в отделе?

Меня с радостью встретили и попросили помочь с выборкой и обработкой данных социологических исследований. Курс “теории вероятности”, прослушанный в университете, мне не очень помог. Статистики в нем почти не было или я это плохо помнил, но зато обладал необоснованным самомнением, считая, что все могу вывести сам. Я делал необходимые расчеты, но очень неэффективно, выборка для первых исследований была завышенной, и только через несколько месяцев я сумел найти нужные книги и освоить нужную статистику. В 1969 году Черноволенко прислал мне приглашение проходить преддипломную практику в отделе, и кроме того меня взяли на работу на полставки. В этом же году в Новосибирске проходила международная школа-семинар “Математика и социология”, и мы с Черноволенко полетели на две недели в Новосибирск. Между прочим, то ли полуставовников нельзя было посылать в командировку, то ли я в это время еще не был оформлен, но почему-то я ехал с командировкой Владимира Матусевича, а его просили две недели не появляться в Институте.

Неужели семинар длился две недели?

Сейчас мне это тоже странно. Мировой конгресс по социологии — одно из наиболее крупных мероприятий социологов — длится неделю (в 2006-м году в нем принимало участие более 3000 человек, 122 секции). Или Всемирный конгресс Международного института социологии в Пекине: 124 секции, разбросанные по всему городу, масса людей — 5 дней. А тут одна очень узкая тема — математика в социологии — и наиболее известные ученые Советского Союза живут две недели в Академгородке в Новосибирске и обсуждают эту тему. Там был академик Амосов, Заславская, Аганбегян, Шляпентох... кого только там не было...

В.Черноволенко (Новосибирск, 1969)

Чем вы занимались в Новосибирске?

Я не помню, насколько активно Черноволенко участвовал в семинарах этой конференции, но у него там было много знакомых, и с некоторыми из них он меня свел. Я там впервые встретился с моим другом и соавтором нескольких книг Валентином Максименко, с Владимиром Шляпентохом, может быть, и с Амосовым, хотя, не исключено, что я уже был с ним знаком. Во всяком случае после Академгородка я стал участвовать в его семинарах в Институте кибернетики.

В Академгородке мы жили в одной гостинице, и я помню, как Амосов объяснил мне, что степень удовлетворенности зависит от отклонения от среднего уровня потребления. В буфете гостиницы были пирожные, которые мне очень нравились, и я ему их очень советовал:

– Николай Михайлович, ну что Вы только булочку берете, возьмите вот это пирожное, очень вкусное.

– Ты не понимаешь, я настолько редко позволяю себе есть булочки, что эта булочка для меня намного вкуснее, чем для тебя твое пирожное.

Кстати, Вилен Филиппович с большим интересом относился к кибернетике, и я думаю, что его сын Саша не случайно закончил факультет кибернетики и защитил диссертацию по кибернетике (Александр Черноволенко стал известным политиком, депутатом парламента, но мне жаль, что он перестал заниматься наукой).

Сейчас я понимаю, что эта конференция, на которую меня повез Вилен Филиппович, рискуя из-за меня неприятностями в Институте философии, имела большое значение для моей дальнейшей работы и для отношения к социологии вообще.

Мне кажется, что вообще в 1970-х отношение к социологии было более романтичным, чем сейчас...

Абсолютно с тобой согласен. Социолог в конце 1960-х — начале 1970-х — это супермен. В тех нескольких фильмах и спектаклях, в которых участвовал социолог, он резал правду-матку начальству и бил морду отрицательному герою. Я помню в один из первых визитов Лойберг учил Николая Сакаду, тогда еще аспиранта:

— *Послушай, Коля, социолог не может сказать “кальсоны”, фи, социолог скажет: “Нижнее белье”.*

При этом “белье” было в чем-то даже с французским прононсом. Мелочь, а я глубоко уважал социологов.

Да, своеобразное на первых порах у тебя было восприятие социологического романтизма...

Кстати, жаль, что у нас для истории социологии до последнего времени никто не делал ничего похожего на то, что делал в России вплоть до своей ранней смерти Геннадий Батыгин и сейчас продолжает эту работу бывший русский, но давно уже американский социолог Борис Докторов. Мы не раз об этом говорили, но так пока ничего и не сделали. Может быть, твои интервью помогут начать такую работу. В свое время Наташа Панина предложила очень интересную идею — проводить встречи социологов разных исторических периодов и устраивать что-то среднее между клубом “Белый попугай” и фокус-группой. Но это тоже пока что не удалось реализовать.

Мне бы хотелось передать ощущение социологического братства, которое существовало в то время. Мы почти все могли знать друг друга. Я знал всех социологов, которые занимаются математическими методами в социологии, и у меня в шкафу были все книги по социологии, изданные в СССР за десять лет.

А чем ты объяснишь это братство?

Скорее всего, внешним давлением и изначальной близостью ценностей. Социологического образования не было, в социологию пришли философы, экономисты, математики, физики, историки. В большинстве своем они рассматривали социологию как способ изучить эту систему и что-то в ней изменить, как некоторую альтернативу марксизму-ленинизму. Партийное руководство тоже подозревало в этом социологов, поэтому шла постоянная борьба. Особых дивидендов от занятий социологией не было, а был риск неприятностей, преследований, потери работы (как это было со многими пионерами социологии, например с Юрием Левадой). Когда после десятилетнего перерыва, связанного с разрывом связей после развала Советского Союза, я приехал в Москву и встретился со своими старыми друзьями, то оказалось, что они уже не являются такой единой группой, как раньше (раньше, правда, тоже были те, кто был ближе к “официозу”, и “истинные” социологи их недолюбливали, но остальные были достаточно близки между собой, особенно социологические математики). Вилен Филиппович поддерживал

связи как раз с истинными социологами. Потом внешнее давление пропало, возник рынок, борьба экономическая и политическая. Уже не было черно-белой картинки “мы–они”. Я объяснял российским друзьям, что мне грустно разбираться в их отношениях, у меня ностальгия по бывшему социологическому братству.

Ощущалось ли это братство в отделе Черноволенко? Как отношения в отделе влияли на твою дальнейшую судьбу в социологии?

После окончания университета (1970) меня взяли инженером в отдел социологии Института философии АН УССР, где я и проработал 21 год — до 1991-го. Точнее, я работал в одном и том же коллективе, но от Института философии отделился Институт социологии, и я перешел, таким образом, в Институт социологии. Первые годы в отделе Вилен Филиппович возился со мной, как со слепым щенком: я никак не мог усвоить правила идеологической игры, система обучения этим правилам на механико-математическом факультете была гораздо менее эффективной, чем на философском, откуда пришло большинство моих коллег в Институте философии. Мне нужно было многому научиться в Институте философии. Через год после прихода я подал на Ученый совет книгу о методах изучения межличностных отношений, но директор Института В.Шинкарук объяснил, что так не делают, никто не понимает, что я там такое пишу, поэтому нужно сначала защитить диссертацию, это будет некая апробация моего текста, а потом уже издавать книгу. Поэтому я переделал книгу в диссертацию, сдал необходимые экзамены и в 1973 году защитил кандидатскую диссертацию.

И тут роль Вилен Филипповича была ключевой. Во-первых, я бы наверняка не сдал кандидатские экзамены, если бы Черноволенко не посоветовал мне увлекательные книги — учебник по философии дореволюционного киевского профессора-идеалиста Георгия Челпанова, “Историю Западной философии” Бертрана Рассела и “Социальную психологию” Т.Шибутани. Причем выбор был настолько точным, что и Рассел, и Шибутани стали моими любимыми книгами. Книгу Челпанова с тех пор я больше не читал, но Черноволенко рекомендовал мне ее, видимо, с учетом моего математического образования. Аргументация Челпанова хорошо соответствовала логике моих рассуждений, как только у меня возникал какой-то вопрос, я сразу наткнулся в книге на фразу: “может возникнуть вопрос...”. Челпанов как бы предвосхищал мои вопросы.

Во-вторых, Вилен Филиппович решил непреодолимые для меня организационные проблемы, ведь в Украине вообще не было ни одного Совета для защиты социологических диссертаций.

Ты защищал кандидатскую по философии?

Формально — да. В Москве к этому времени уже была введена специализация “прикладная социология” для философских наук, но в Киеве — нет. Однако Черноволенко поехал в ВАК и добился разовой защиты по этой специальности за несколько лет до ее введения в совете по защитах Института философии. Так что я первый в Украине получил ученую степень кандидата философских наук по специальности “прикладная социология”.

Когда я сейчас думаю об этом, то поражаюсь тому, что Вилен Филиппович сделал для меня, и ощущаю чувство глубокой благодарности и стыда. Во-первых, я воспринимал все как само собой разумеющееся, во-вторых,

даже имея такой пример, я не готов ни для одного из своих аспирантов так сражаться с бюрократической системой и тратить столько времени на защиту их диссертаций.

В рамках одного большого профессионального дела порой складывается — отнюдь не всегда! — круг людей, которые друг с другом общаются более-менее интенсивно, регулярно, а главное — со значительным творческим эффектом. Мне кажется, что можно говорить и про “круг Черноволенко” среди киевских социологов, — конечно, в разной степени причастных... Если бы ты “замерил” время своего профессионального общения в 1970–1980-е годы, то с кем ты общался наиболее тесно и плодотворно?

Вначале, конечно же, в основном с Виленом Филипповичем. Позже я познакомился с Л.Финкелем, потом с В.Хмелько, с которыми мог обсуждать вопросы применения математики к анализу эмпирических данных.

Можешь ли ты сказать, что В.Черноволенко был твоим Учителем? Кого еще ты мог бы назвать из своих учителей в социологии?

В.Черноволенко был скорее моим наставником, чем учителем, так как он не был специалистом в математических методах в социологии. Вообще из-за отсутствия социологического образования все, кто пришел в эти годы в социологию, были самоучками (а некоторые и самозванцами). Большую часть профессиональных знаний в то время пришлось получать из книг.

Позднее, после 1985-го, после перестройки, начались контакты с Американской социологической ассоциацией. Я и мой друг Валерий Хмелько познакомились с Майклом Сваффордом и Мелвином Коном. Началась общая работа, совместные проекты, стажировки на Западе. Наверное, я мог бы назвать своими учителями Мелвина Кона и Майкла Сваффорда, но оба вели себя настолько деликатно, что все это выглядело как равноправное сотрудничество. Вилен Филиппович был не менее деликатен, но в первые годы ни о каком равноправном сотрудничестве не могло быть и речи. Когда я познакомился с Коном и Сваффордом, то был уже доктором наук, написал несколько книг, а когда пришел в отдел Черноволенко, то был студентом-математиком, имеющим самое поверхностное представление о социальных науках и полагающим, что математика позволит быстро навести порядок в этом “нечетком множестве” знаний. Вилен Филиппович помог мне пройти социализацию во всех смыслах этого слова, и в этом отношении его можно назвать Учителем.

По поводу функций учителя и наставника я вспоминаю такую историю. В свой первый визит в Киев (кажется, в 1987-м) Мелвин Кон приехал с Джимом Дэвисом, тогда профессором Гарвардского университета, человеком, который организовал в США Общее социальное исследование (General Social Survey). Проект ISSP (International Social Survey Project), к которому КМИС совместно с Институтом социологии НАН Украины сейчас присоединился, является распространением этого проекта на другие страны. Мелвин Кон представил Джима Дэвиса как человека, который настолько посвятил свою жизнь студентам, что даже живет вместе с ними в общежитии. На меня такое самопожертвование произвело очень сильное впечатление, я очень сочувствовал Джиму до тех пор, пока через несколько лет не приехал в Гарвард и не побывал у него дома. В общежитии, в котором он жил, ему было отведено крыло 4-этажного здания, по несколько комнат на

каждом этаже. В огромной гостиной на первом этаже я заметил затерявшийся в углу “Стейнвейн” лишь через несколько минут пребывания (в моей нынешней гостиной даже небольшой кабинетный рояль занимает чуть ли не треть комнаты и доминирует). Это сильно убавило уровень моего сочувствия к необходимости жить в общежитии. Но то, что Мелвин говорил о посвящении жизни студентам, было чистой правдой. Оказалось, что Гарвард имеет уникальную систему общежитий, во главе каждого общежития стоит Наставник, студенты записываются к нему независимо от факультета и года обучения, создается такая коммуна, или, скорее, сообщество. “Моя роль — это что-то среднее между духовным пастырем и сестрой-хозяйкой”, — объяснил мне Джим. Конечно, Вилен Филиппович не решал бытовые проблемы сотрудников, как Джим Дэвис проблемы студентов, но, как мне кажется, участвовал в решении всех остальных проблем, был не только научным, но и “классным руководителем”, воспитателем.

Вспоминаю, что в 1970–1971 годах, когда я получал, если не ошибаюсь, 120 рублей в месяц, мне то ли для публикации статьи, то ли для перепечатки рукописи понадобилось 15 рублей, которые за меня почему-то уплатил Вилен Филиппович (не помню уже почему так вышло). Когда после получки я попытался их отдать, он у меня наотрез отказался взять — сказал, что возьмет, когда я буду получать столько, сколько он. Я это не забыл, хорошо помню до сих пор, но когда лет через пятнадцать-двадцать стал получать приблизительно столько же, отдавать деньги было уже как-то неуместно. Поэтому я поступил точно так же, как он — уплатил за одного из молодых сотрудников и сказал, что он отдаст, когда будет получать столько же, сколько я. Доброе отношение заразительно.

Насколько широким был круг людей, к которым Вилен Филиппович относился так же доброжелательно?

По-моему, это относилось ко всем, кого он брал на работу, во всяком случае, я не чувствовал к себе какого-то особого отношения. Конечно, для меня это было первое рабочее место, поэтому я все происходящее воспринимал как должное и не понимал, что бывают совсем другие руководители и совсем другая обстановка. Но даже при всем этом я думаю, что заметил бы, если бы к другим он относился как-то иначе.

В.Черноволенко (Киев, 1984)

Посмотри на этот портрет. Ты делал?¹

Да, по-моему, удачно получилось.

Это типичное выражение лица Вилена. Доброжелательное, чуть-чуть с прищуром, с некоторой маленькой дистанцией, с юмором, с иронией. Это для него действительно типично, таков его стиль?

Пожалуй, да. Я не помню, что для кого он делал, но думаю, что у него есть талант общения с людьми и интуиция, понимание людей. Он очень доброжелательный, внимательный, людей подбирал, если так можно сказать, поштучно. Давай вспомним тех, кто пришел в отдел социологии в начале 1970-х: Володя Волович (который позже стал деканом факультета социологии в Киевском национальном университете), Володя Матусевич, Валентин Тарасенко, Володя Поддубный, Голя Ручка, Лариса Аза, Наташа Лавриненко, позже Юра Яковенко.

Но Юру, насколько я знаю, уже ты приглашал, он же был твоим аспирантом.

Я не помню, как это было (нужно спросить у Юры), но Вилен Филиппович был заведомом и в любом случае он отвечал за принятого сотрудника и доказывал руководству, что нужно его принять. И дело не только в том, чтобы взять человека на работу, а в том, чтобы “вписать” его в коллектив, создать условия и атмосферу, в которой он мог бы радоваться жизни и радовать других или, по крайней мере, не мешать. Мне лично это было очень сложно. Когда я сам стал набирать людей, то первое время очень часто ошибался, брал тех, от которых потом и я, и другие не могли избавиться. Юра Яковенко — это как раз исключение, он был моим первым и наиболее удачным аспирантом, разница в возрасте у нас была не очень большой, и поэтому отношения были (и остаются) дружескими отношениями коллег, а не аспиранта и научного руководителя. Я могу гордиться также тем, что “совратил” социологией еще несколько замечательных людей (например, Андрея Горбачика), но в целом мой “коэффициент полезного действия” несопоставим с коэффициентом Вилена Филипповича. К тому же в то время он общался со всеми гораздо больше, чем в 1980-х, когда сформировались самостоятельные отделы в Институте философии, так что его влияние на молодых сотрудников было определяющим. В 1970-е также пришли Наташа Костенко, Сергей Макеев, Женя Головаха, Николай Чурилов. Ведь почти все, кого я назвал, стали докторами наук, возглавили отделы, кафедры, социологические центры. А еще были Николай Сакада, Кирилл Грищенко, Всеволод Тихонович, хотя, может быть, Грищенко и Тихоновича приглашал не Черноволенко, а Лидия Васильевна Сохань. Все это люди, которые составили ядро социологической науки в Украине.

У тебя были совместные публикации с Виленом Филипповичем, прежде всего “Престиж профессий...” (Престиж профессий и социально-профессиональная ориентация молодежи: (Опыт социол. исслед.) /

---

¹ Речь о портрете в фотогалерее директорского кабинета в КМИС.

В.И.Паниотто, В.Ф.Черноволенко, В.Л.Оссовский. — К.: Наук. думка, 1979). **Ты лучше многих знаешь, как он работал.**

С одной стороны, он перфекционист, если он что-то делает, он должен сделать это идеально. Он работает над каждой отдельной фразой, правит ее до такого совершенства, что потом уже нельзя ни строчки, ни слова изменить. Все это занимает невероятно много времени. С моей точки зрения, научный труд — это все же не художественное произведение, не стихи. Главное здесь — четко донести свою мысль, и если текст уже понятен, то нет смысла его шлифовать, на это уйдет в несколько раз больше времени, чем на его написание. Но Вилен Филиппович так не мог, он должен был его довести до совершенства. Во-вторых, это организация работы. Он как бы начинает одно дело, а потом, не заканчивая, берется за другое и, не заканчивая, берется за третье. Правда, при этом есть и нечто положительное, некоторые дела с более жесткими сроками выполнения отпадают, остаются только те, которые невозможно не выполнить.

Не могу вспомнить кто (кто-то из его друзей — Попович? Крымский?) подшучивал над Виленом Филипповичем и показывал, как он выбирает галстук: раздумья, колебания... Для него что-то выбрать и принять какое-то решение — это задача очень сложная. Учитываются все факторы, все очень обстоятельно, детально.

С чем-то из сказанного тобою я могу согласиться по собственному опыту работы с Виленом Филипповичем — в качестве редактора, в частности, и “Престижа профессий...” Только хочу добавить, что очень трудно было бы найти ещё таких авторов в двух Институтах — философии и социологии, которым редакторы и книжного издательства, и журналов были бы так *признательны* за тщательность, внимательность подготовки авторских рукописей. И ещё — настолько *действительно ответственного* “ответственного редактора”...

А как у вас проходили семинары, доклады?

Ну, конечно же, были семинары, доклады, обсуждения плановой темы, методик, диссертаций. Черноволенко и выступал и организовывал некоторые конференции. Но вот что из этого запомнилось... Вилен Филиппович просил меня прочесть несколько лекций для повышения статистической грамотности сотрудников (это было в 1970-м). К концу первой лекции или первого семинара, не знаю, как правильнее это назвать, все поголовно спали, включая Вилену Филипповича. Кроме меня бодрствующих не было. Потом приехал Валентин Максименко из Одессы (он работал с Ириной Марковной Поповой) и тоже провел такой семинар, тот же статистический анализ из той же серии лекций. И тут я понял, что такое настоящий преподаватель — блестящие глаза, голос, интонация, драматические паузы, четкость в изложении... Все были в восторге и говорили о том, как это интересно!

...Кстати, тот же Валентин Максименко рассказал мне такую историю. Кроме математики он больше всего увлекается музыкой. Он написал две толстые монографии об Одесском оперном, несколько сотен статей о музыке. И однажды “Вечерняя Одесса” заказала ему статью о первом выступлении Эмиля Гилельса в Одессе. Валентин обратился к Лазарю Саксонскому, старейшему одесскому пианисту, чтобы тот расспросил своих знакомых, но это мало помогло. Одна из его приятельниц сказала: “Лазарь,

что ты спрашиваешь, конечно же я хорошо помню это выступление Гилельса, неужели ты не помнишь? Я была в таком красивом красном платье!”. От других он не смог добиться чего-то большего.

Вот так и мои воспоминания о докладах Вилена Филипповича — не намного лучше: я даже не помню, в какой одежде был на этих докладах...

Впрочем, я не думаю, что его доклады сильно изменились после того, как я ушел из Института, и эти вопросы лучше задавать тем, кто продолжал вместе с ним работать. А общее впечатление, конечно, осталось: простота при высоком уровне интеллектуальной насыщенности.

Он пришел из философии, чувство уверенности общефилософское у него было, ориентация в идеологических каких-то вещах — тут вне сомнения. А каким был подход Вилена Филипповича в социологии?

Собственно в социологии, если говорить не об эмпирической социологии, а о социологии теоретической, конечно, он чувствовал себя уверенно, и это именно то, чему он учил остальных. Мне кажется, что у него был именно социологический подход, чувство социальной реальности, понимание тех процессов, которые происходят...

...Советской социальной реальности?

Разумеется, советской социальной реальности — другой мы не знали. Я думаю, что его тогда интересовало, как и многих из тех, кто пришел в социологию, что, собственно, происходит, где мы живем, что будет происходить с этой социальной системой. Благодаря Черноволенко мы стремились называть вещи своими именами, то есть у нас был двойной язык: один внутри отдела или в разговорах между собой, а другой — для внешнего мира, где вещи уже называются теми именами, какими требуют идеологические установки. Например, сама тема, которую выбрали — “Престиж профессии”...

Вилен Филиппович сам ее выбрал?

Он сам выбрал эту тему. И выбрал ее для того, чтобы можно было изучать социальную структуру, потому что фактически престиж — это представление населения о социальной структуре.

Такая лукавинка была?

Да, престиж отражает социальную структуру, может быть, восприятие людей, восприятие школьников. Но такая тема дает возможность читать литературу, рассуждать о социальной структуре и кое-что изучать эмпирически. Между прочим, Майкл Сваффорд, американский социолог, о котором я уже вспоминал раньше, тоже изучал социальную структуру СССР через престиж профессий. Правда, исходя не из идеологических соображений, а потому, что по престижу профессий были опубликованы наши данные, он их использовал и проводил опросы эмигрантов, сравнивая полученные результаты с нашими данными.

По сути дела, речь идет именно об этом, о своего рода “хитрости разума” (о которой писал Гегель, и многие советские философы, включая, конечно, и Вилена Филипповича, использовали этот ход мысли): ведь в данном идеологическом контексте изучать социальную структуру означало заходить на поле Глезермана и Руткевича, которые тонны бумаги исписали о “социально-классовой структуре советского общества” (с ними тогда надо было бы или “дудеть в

одну дудку” или выяснять отношения)... А “престиж профессий” — вот что вам позволяло, так сказать, сбоку на все это посмотреть...

Именно так. Мы бы, наверное, и хотели использовать американскую концепцию социальной структуры, исследуя власть, доходы и т.д. Но мы даже доходы не могли изучать, про власть же и говорить не приходится. Анкеты для опроса киевлян утверждал горком партии, вопрос “Ваши доходы” или “Ваша зарплата” считался провокационным, его задавать нельзя было. А тут кто-то из наших лидеров (не могу вспомнить — Брежнев или Щербицкий) сказал, что нужно поднять престиж всех профессий, что, конечно, дурацкая идея, поскольку это относительный показатель, если пятая по престижу профессия переместится на первое место, то первая станет второй, вторая — третьей и т.д. Но если поднять престиж всех профессий одинаково, то иерархия не изменится вообще.

Это кто-то из квазисоциологов или “научных коммунистов” вписал в речь. Они же сами ничего не говорили, кто-то вписал.

Во всяком случае, предполагалось, что эта тема имеет практическую направленность, что престиж можно использовать для регулирования потоков претендентов на те или иные профессии. Представлялось так, что мы, допустим, можем посадить пастуха на лошадь, назвать ковбоем или просто назвать ковбоем без лошади и таким образом решим проблему заполнения мест физического труда низкой квалификации, не вкладывая денег ни в автоматизацию, ни в улучшение условий труда. Это рассматривалось как важная тема. Под этим прикрытием можно было заниматься тем, что нас интересовало.

А с кем из социологов других городов и стран контактировал Вилен Филиппович? Кто входил в его референтную группу?

Ну, что касается стран, то в то время у советских социологов были, конечно, некоторые контакты с польскими социологами или социологами других стран социалистического лагеря, но это было возможно лишь для некоторых московских социологов. С западными социологами ситуация была вообще безнадежной. Те редкие контакты, которые могли возникнуть, когда они приезжали сюда, не имели бы продолжения и из-за идеологических ограничений, и из-за того, что практически все мы не разговаривали на английском. Вилен Филиппович не был исключением. Я помню, какого позора я натерпелся, когда в Киев приехал Рубен Хилл, который был президентом Международной социологической ассоциации с 1970-го по 1974-й и почему-то именно меня Черноволенко попросил сопровождать его. Рубен Хилл с переводчиком, который, как мне объяснили, почти наверняка был тайным сотрудником КГБ, поехал в моем сопровождении кататься по Днепру. И тут оказалось, что я не могу ответить на элементарные вопросы — женат ли, есть ли у меня дети и т.п. Пришлось общаться через переводчика. А когда начались более профессиональные вопросы, я вообще попал в стрессовую ситуацию. Рубен Хилл объяснил, что социология в разных странах занимает разную позицию по отношению к правительству. В США, например, она левая, и социологи-выпускники испытывают моральные проблемы, когда после окончания университета надо выходить на работу и укреплять существующую систему. А вот в Латинской Америке она правая и поддерживает правительство в борьбе с бастующими рабочими. Какова же со-

циология в Советском Союзе? Любой мой ответ через сотрудника КГБ грозил неприятностями. После этой встречи я решил выучить английский язык и пошел на трехлетние государственные курсы.

В.Черноволенко и Л.Оссовский (Ленинград, 1975)

Ну а контакты с отечественными социологами?

Вилен Филиппович, насколько я знаю, поддерживал дружеские отношения с Ириной Поповой (Одесса), Еленой Якубой (Харьков). Помню, мы ездили в Ленинград к Овсею Шкаратану, общались с ним и Владимиром Руквишниковым. (Это была первая наша поездка в Ленинград, у меня есть фотографии Черноволенко и Оссовского, сделанные во время этой поездки.) Вилен Филлипович также общался с Владимиром Ядовым, Андреем Здравомысловым, был хорошо знаком с Игорем Коном (Кон и Здравомыслов приезжали и в Киев на конференцию, которую организовал наш отдел), с Харчевым. Я думаю, что они и были его референтной группой. Не помню, общался ли он активно с Заславской, Грушиным и Левадой, но Ядов, Здравомыслов, Шкаратан наверняка входили в круг его регулярного общения. Были у него в Москве и друзья-философы.

В чем ты видишь наибольший вклад Черноволенко в развитие социологии?

Я думаю, что это создание украинской школы социологии...

А ты полагаешь, что есть такая школа?

Когда-то я брал интервью у Ядова для нашего журнала (он в то время был директором Института социологии АН СССР — главного такого института в Советском Союзе), и он говорил об украинской школе социологии, сейчас найду и процитирую [см.: Философская и социологическая мысль. — 1989. — № 7. — С. 50]. Отвечая на мой вопрос о том, на какой журнал он бы подписался и о перспективах сотрудничества с украинскими социологами, он сказал: “Я бы подписался на интересный журнал, в котором есть информация, отсутствующая в других. В частности, мне было бы важно

знать, что происходит в украинской социологии и философии, где есть отличные специалисты, думающие и высокопрофессиональные. Этим ответил и на второй вопрос — об украинской социологии.

Можно добавить, что на Украине сильна традиция методической грамотности, сопряженной с тонкой интерпретацией данных и хорошим концептуальным видением проблем. В свое время мы говорили о новосибирской социологической школе, об эстонской, свердловской... Украинская школа имеет свое лицо: это синтез теоретико-познавательного и прикладного на хорошей методической основе плюс сравнительно более молодой возраст ведущих специалистов. У вас, я думаю, хорошее будущее, оно — в опоре на молодежь, с которой работают старшие, “социологические метры”. Далеко не во всех научных центрах такая ситуация. Кое-где средний возраст сотрудников социологических подразделений переваливает за 40. В Институте социологии, например.

Мы можем активно сотрудничать по многим направлениям: в экономической социологии, в исследованиях личности, социологии труда, образа жизни, этнонациональной проблематике, само собой — в оперативных опросах общественного мнения (и настроений!) по ключевым проблемам перестройки”. Я думаю, ему было виднее, есть у нас школа или нет.

Ну, хорошо, поверим тогдашнему Ядову. Сегодня же тем паче социология в Украине должна иметь свои особенности...

Я хочу также достать с полки и процитировать редакционную статью журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” [2004. — № 1. — С. 193], посвященную 75-летию Черноволенко: “Отдавая должное заслугам юбиляра, осмелимся все же утверждать, что главная из них — создание Института социологии Национальной академии наук Украины. Не умаляя роли тех, кто был непосредственно причастен к этому историческому для социологов событию, признаем — фундамент этого здания заложил он, Вилен Филиппович Черноволенко”. Я бы только уточнил, что речь идет не только о фундаменте, но и о личном участии в пробивании этой идеи, подготовке необходимых документов (у меня где-то есть целая папка, я помогал их готовить).

Мне кажется, что главный талант и заслуга Вилены Филипповича — это умелый подбор и воспитание социологов, которые пришли в эту науку в сложное для социологии время и продолжают работать до сих пор, создание творческой и дружелюбной атмосферы в отделе, а потом в Отделении социологии, формирование кадрового ядра украинской школы социологии и Института социологии НАН Украины. И если пользоваться журналистской терминологией и искать “отцов-основателей” этой науки в Украине, то, с моей точки зрения, именно Вилен Филиппович Черноволенко по праву может считаться основателем украинской академической социологии.

*Интервью проведено Р. Ленчовским.
Фото — В. Паниотто.*